

ПЬЕР АНГРАН

(ФРАНЦИЯ)

ВЕРСАЛЬЦЫ

Версальец — это не просто враг и палач Парижской коммуны, не просто «антикоммунар». Это такой француз, в ком классовая ненависть уничтожила всякое чувство принадлежности к своей нации; иностранный завоеватель и поработитель князь Бисмарк ему желанней, чем поверженный и брошенный в тюрьму Бланки¹. Он добивается поддержки и дружбы первого, чтобы раздавить все, что связано со стремлениями второго. Версальец — это человек, который ради сохранения своих классовых привилегий отрекается от естественной солидарности, связывающей его с народом Франции. Восставший парижанин, рабочий, ремесленник столицы, коммунар или социалист,— все, вплоть до демократов-якобинцев, и даже буржуазные радикалы-республиканцы одинаково ненавистны ему.

Версальец начинает яростно преследовать Ранка и Виктора Гюго подобно тому, как он утолял свое бешенство на Мильере и Варлене². Версальец — человек, который возненавидел свой народ, как только некоторые из классовых привилегий версальца оказались под угрозой, как только какие-либо из его жизненных привычек оказались нарушены, и в котором эта ненависть убила всякое чувство человечности. Он купается в крови, призывает к резне, аплодирует убийствам.

Лучший способ ознакомиться с версальцем — это, очевидно, посмотреть на него самого, вспомнить его слова и дела. Именно так поступил Жюль Гед в предисловии к своей книге о якобинце Делеклюзе, вышедшей в Женеве в ноябре 1871 г.³ Это метод, которым пользовался Маркс, когда, разрабатывая текст Воззвания Международного товарищества рабочих, обращался к прессе версальцев и иностранным газетам⁴.

Под влиянием чего сложился в данный исторический момент тип версальца? Прежде всего надо отметить, что в конце 60-х годов крупные собственники — как те, которые связывали свою судьбу с режимом Второй империи, так и все прочие — почуяли для себя опасность: начало

¹ «*Lettres de Jenny Marx-Longuet au docteur Kugelmann*». — «*Movimento Operaio*», III—IV, 1955, № 27, p. 280.

² Версальец Леонс Дюпон, который считал себя «не более кровожадным, чем другие», хотел, чтобы Ранка вместе с коммунарами судил 3-й военный трибунал, где «для него давно припасено место на скамье подсудимых». — L. Dupont. *La Commune et ses auxiliaires devant la Justice*. Paris, 1871, p. 88. Посол в Бельгии Бод ополчился против Виктора Гюго, который и до этого подвергался оскорблению за свои симпатии к коммунарам. Жюль Фавр наставил потом Боду просьбу судебного следователя трибунала департамента Сена «забирать на квартире Виктора Гюго все присыпаемые ему из Парижа ящики с картинами и другими предметами подозрительного происхождения». Гюго обвинили в «скрытии картин, украденных из Лувра», и объявили его сообщником «грабителей-коммунаров». — «*Archives du Ministère des Affaires Etrangères*», Carton № 76. *Insurrection de 1871. Dossiers particuliers. Correspondance 1871—1872*.

³ Jules Gédéon. *Préface au «Livre Rouge de la Justice Rurale»*. Genève, 1871.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 93. — Прим. ред.

организации рабочих, забастовки, собрания были явными признаками этой опасности. Материалы следственной комиссии палаты, созданной для выяснения «причин восстания 18 марта», хорошо показывают эту охватившую правящий класс озабоченность; ведь комиссия вскрыла только «причины», которые были доступны пониманию версальцев, чьим отражением она, собственно, и была⁵.

Так, например, собрания были названы в этой комиссии «прискорбным явлением»⁶, а секретарь полицейской префектуры при Империи Мутон считал, что именно они таили в себе зародыш Коммуны. Он говорил: «Все теории, которые нашли практическое применение во время Коммуны, получили развитие на этих собраниях: разве не на этих собраниях требовали, чтобы дети из народа могли получать цельное, практическое, научное образование?»⁷.

Такого же мнения придерживался председатель версальской комиссии граф Дарю; по его мнению, закон, разрешивший проведение собраний (под наблюдением полиции), имел «гибельные последствия».

Война породила новые тревоги. «Восстание 4 сентября,— говорил Дарю,— привело к явному ослаблению государственного аппарата». Префект полиции Крессон понимал, что наступивший кризис режима был чреват опасностью, которая становилась все более грозной: нет больше силы, способной остановить народ, если он захочет взять свою судьбу в собственные руки. «С крушением Империи рушилось все: полицейская, судебная, административная власть — все развалилось и перестало существовать... В Париже не осталось ничего, кроме элементов беспорядка»⁸.

Шеф политической полиции Ансар также заявил: «После 4 сентября хорошие рабочие исчезли... С тех пор, как началась осада Парижа, Сент-Антуанское предместье стало вести себя отвратительно»⁹.

Так беспокойство сменилось страхом. Будущие версальцы были по-своему правы, считая, что «причина восстания заключалась в поголовном вооружении Национальной гвардии», так как «эта 300-тысячная вооруженная сила, эта огромная масса... могла стать армией национальной смуты»¹⁰.

Но эти самые люди не хотели сказать главного, того, что сама идея национальной армии, несмотря на необходимость такой армии в тот момент для спасения страны, была для них совершенно неприемлема, что война, которая затягивала и еще больше осложняла создавшееся положение вещей, стала им ненавистна и что поэтому главной их целью было теперь найти предлог для разоружения народа.

Капитулировав и покорно приняв требования новой Германской империи, французская буржуазия вышла из войны. Выборами в феврале 1871 г., проведенными по требованию и под наблюдением прусских оккупантов, она усилила аграриев провинции. Этих мечтавших о реставрации дворянчиков послало в Бордо крестьянство, которому внущили, что, если оно этого не сделает, война будет продолжаться и расширяться, а от нее, в первую очередь, будут страдать крестьяне.

Эти новые, резко враждебные Парижу элементы объединяются с капитулянтскими буржуазными элементами. Национальное собрание осыпает

⁵ Из 30 членов следственной комиссии 17 были титулованные аристократы и помещики. Комиссия заслушивала представителей буржуазии, политических деятелей от Тьера до Ж. Ферри, генералов, служащих полиции (префектов и комиссаров), получала и изучала доклады префектов, главных прокуроров, председателей судов и жандармских начальников. Одни представители государственного аппарата разговаривали с другими.

⁶ «Enquête parlementaire». *Déposition Nusse*, t. II, p. 224.

⁷ Ibidem. *Déposition Mouton*, t. II, p. 227.

⁸ Ibidem. *Déposition Cresson*, t. II, p. 143.

⁹ Ibidem. *Déposition Ansart*, t. II, p. 184.

¹⁰ Ibidem. *Déposition de Hervé*, directeur du «Journal de Paris», t. II, p. 168.

бранью депутатов от Парижа, отстаивавших с трибуны интересы своего города.

Для привилегированных ханжей, какими были эти провинциальные помещики, Париж годился только на то, чтобы его разрушить. Виконт Рене де Брюоне считал, что Париж — это не что иное, как «пристанище преступников, гуляющих девок и всякого прочего сброва,— а главное, средоточие «подозрительных обществ» вроде франкмасонов или Интернационала».

Де Брюоне вспоминает о «Консьержери, Тампле, мученике-короле, слезах Марии Антуанетты» и приходит к выводу, что Париж для искупления своего революционного прошлого, своих республиканских наклонностей должен оставаться «в трауре» до тех пор, пока не сменит свой прежний девиз: «Свобода, Равенство, Братство» на другой, который может предложить ему он, де Брюоне: «Молитва, Труд, Милосердие»¹¹.

Дворянчик из Лангедока Марк де Башан яростно нападает на фрондеров и скептиков парижан, которым нужен не Трошио — слишком доверчивый и благородный, а «человек с железной рукой, который без жалости расстреливал бы всякого, кто стал бы рассуждать, хныкать или оказывать неповиновение»¹².

Для него Париж — просто «город безбожников и проституток, город огней, город зла», одержимый «духом Вольтера». А Вольтер — это «враг всякого подобия божьего, враг самого бога»¹³.

И вот Национальное собрание, в котором господствует эта каста, решает лишить Париж звания столицы. В первых числах марта члены палаты начинают распространять с этой целью самые панические слухи насчет положения дел в столице, еще не оправившейся от удара, каким было для нее занятие пруссаками Елисейских полей (1—2 марта).

5 марта Эмиль Золя, тогда корреспондент газеты «La Cloche», писал: «Вчера в Бордо распространялись самые тревожные слухи: в Париже бушует огонь и льется кровь; вспыхнуло огромное восстание; Винуа только с двумя пушками отрезан на Елисейских полях, в то время как Национальная гвардия... увела с собой весь артиллерийский парк. И это еще не все: говорят, что восставшие овладели городом и собираются, если понадобится, засесть в новую осаду и обороняться против Национального собрания. Те, у кого особенно богатая фантазия, прибавляют, будто прусские войска помогли Ж. Фавру восстановить порядок и будто Тьер послал из Бордо 40 тыс. солдат на помощь столице»¹⁴.

Любопытно отметить, что в Бордо таким образом еще 5 марта была намечена и разработана во всех деталях программа будущих действий версальцев: дело с пушками, предлог, что парижане оказались действительными хозяевами города, осада столицы войсками, верными Национальному собранию, помочь пруссаков.

Золя в той же корреспонденции заключал: «Я прислушивался ко всему этому и, кажется, понял, в чем дело. Конечно, я слишком уважаю некоторых членов Национального собрания, чтобы обвинять их в распространении этих прискорбных известий... Но то, что слух о восстании исходит от собрания,— достоверный факт. Все, кого я ни спрашивал об этом, отвечали: «Ну, конечно, в Париже идет борьба, мне сказал об этом такой-то депутат»... Все здешние газеты, идущие за большинством [в палате], вот уже восемь дней как ведут эту позорную кампанию против пашего великого и славного города»¹⁵.

¹¹ R. de Brunet. Paris en deuil. Paris, 1871, p. 9.

¹² M. de Beauchamp. La Commune. Nîmes, 1871, p. 43.

¹³ Ibid., p. 52.

¹⁴ «La Cloche», 8.III. 1871.

¹⁵ Ibidem; газета «Le Journal de Bordeaux» 4 марта 1871 г. сообщала, что Париж покрылся бастионами, а Винуа отброшен в Сен-Жерменское предместье. Агентство Гавас, со своей стороны, 4 марта распространило следующую телеграмму: «Париж-

Эта оркестровка концерта о «восставшем Париже» началась, по крайней мере, за две недели до 18 марта. Если роль «хора» выполняло Национальное собрание, то главные партии в концерте вели Тьер и его министры. Основной задачей, которую поставил перед собой Тьер, было любой ценой убрать с дороги это препятствие: демократический Париж, громко заявляющий о социальных требованиях рабочего класса. Относящийся к началу марта обмен телеграммами между Тьером, Ле Фло, Винуа и Ж. Фавром ясно показывает, что правительство уже в то время начало собирать силы против «горлопанов»¹⁶.

Тьер решает усмирить парижан и посыпает на помощь губернатору Винуа генерала д'Орель де Паладина (назначенного 3 марта командующим Национальной гвардией). Их прошлое служит гарантой, что они успешно справятся с боевым заданием¹⁷.

Итак, уже в первых числах марта вся необходимая подготовка проведена. Остается приступить к исполнению плана.

В Париже антисоциальные элементы по-разному относятся к происходящему. Одни стараются высмеять республиканцев, захвативших артиллерию, сломить зубоскальством твердую позицию Национальной гвардии и усыпить бдительность масс. Таков, к примеру, Франсиск Сарсе, писавший 10 марта в своей статье «Комедианты»: «На Монмартре, укрывшись за смехотворными траншеями, бравые солдаты Национальной гвардии развлекаются игрой у своих шестидесяти с чем-то осадных орудий... Вот уж, комедианты.... Ведь они прекрасно знают, что эти знаменитые пушки им совершенно не нужны и что у гвардейцев никто не собирается отнимать их силой»¹⁸.

Другие ждут, что будет применена сила, и советуют ее применить. Они считают, что правительство должно покончить с восстанием, если оно достойно называться правительством. Таково мнение Лудена (Баллегье), который того же 10 марта записывает в своем дневнике: «Чем дольше правительство медлит, тем больше опасность... Ему скажут: «Ну, где вам справиться с Монмартром и Бельвилем. Что тогда останется от престижа г-на Тьера? Речь идет о его репутации государственного деятеля. Торговля не возрождается. Люди все больше удивляются инертности правительства; хотят, чтобы с этим было покончено, ждут ружейных залпов начонец!»¹⁹.

Лудену не надо было подзадоривать Тьера. В то время как Дюфор приводит в отчаяние парижских торговцев своим декретом от 10 марта о сроках платежей по векселям, а Национальное собрание решает переехать в Версаль, Тьер, желая скорей «покончить с этим», направляется из Бордо в Париж²⁰.

ские повстанцы овладели правым берегом Сены; генерал Винуа отступил на левый берег и ждет генерала де Паладина с его 40-тысячным подкреплением».

¹⁶ Телеграмма военного министра главнокомандующему войсками: «Бордо. 4 марта, 10 час. 20 мин. В Париже в настоящий момент готовится преступное восстание; я посыпаю туда войска, которые... раздавят эту ненавистную попытку. Подготовьте ваши войска и координируйте действия с административными и судебными властями. Держите свои войска в руках». См. также несколько телеграмм, цитируемых в книге E. Reclus. *La Commune au jour le jour*. Paris, 1908, p. 3—4.

¹⁷ Капитуляция Винуа была сенатором при Второй империи, расстреливал участников восстания в Париже 22 января; д'Орель де Паладин, бывший участник декабристского переворота, подавлял восстание новобранцев в лагере Сальбри, расстреливая каждого десятого.

¹⁸ «Le Gaulois», 10.III. 1871.

¹⁹ E. Loudun. *Journal d'un Parisien*. Paris, 1872, p. 351.

²⁰ «Enquête parlementaire». *Déposition de Thiers*, t. II, p. 11. «В деловых кругах, — заявил Тьер, — я только и слышал: «Никакие финансовые операции невозможны, пока вы не покончите со всеми этими негодиями, пока вы не отберете у них пушки. Надо кончать с этим, только потом можно будет говорить о делах». Так Тьер сам признался, что был лишь исполнителем воли крупной буржуазии, которая открыто диктовала ему свои условия.

Немедленно по прибытии туда Тьер 15 марта созывает совет министров и ставит перед ним вопрос о разоружении Национальной гвардии; по словам д'Орель де Паладина, «все были скорее за то, чтобы подождать», но Тьер решил, что «пушки надо забрать силой»²¹.

Шопен, который еще продолжал выполнять обязанности префекта полиции, также рассказывает, что 17 марта он присутствовал на «своего рода военном совете», где было решено перейти к решительным действиям; он провел ночь за составлением списка лиц, которые назавтра должны были быть арестованы; в него вошли «все члены Центрального комитета [Национальной гвардии], наиболее опасные агитаторы»²².

На другой день — бегство Винуа и братание солдат с народом. Тьер, видя, что его замысел не удался, и боясь попасть в руки народа, удирает первый. «Набрали сколько смогли жандармов, сформировали из них два взвода и выставили спереди и позади кареты. Карета во весь опор помчалась в Версаль»²³.

Тьер так торопится, что покидает свой дворец и свои собрания картин на произвол судьбы и даже забывает предупредить о своем отъезде мадмуазель Дон, свою жену и своего лакея. Пикар забывает предупредить своего начальника канцелярии. В пути Тьер, опасаясь, что с ним осталась только горстка «верных» стражей, отдает распоряжение эвакуировать форты и направить их гарнизоны в Версаль.

В Версале Тьер находит Национальное собрание, которое неделей раньше большинством голосов решило переехать сюда. Монархистские депутаты одно время колебались в выборе между двумя бывшими королевскими резиденциями: Фонтенбло и Версалем. На Версале — и это важно отметить — остановились по соображениям, опять-таки связанным с подготовкой гражданской войны. Лес Фонтенбло показался им недостаточно «укрепленным», — писал корреспондент *«La Cloche»* Эмиль Золя. — Поэтому выбор пал на Версаль, где можно создать прочную оборону... Там есть хорошие заграждения, глубокие траншеи, в общем — целая система оборонительных сооружений»²⁴.

Так Версаль стал центром сосредоточения заклятых врагов демократии, местом сбора коалиции врагов народа.

* * *

В первые дни своего объединения версальцы объяты страхом. Победа народа их удивила и даже сразила. Они боятся, что народ немедленно воспользуется этой победой, и видят себя уже изгнанными из своего логова. Они чувствуют себя «эмигрантами». Их беседы между собой приводит Франсиск Сарсе: «Разговор заходит о перспективах на будущее... — «Я убегу в Америку». — «А я уеду отсюда и буду кочевать из города в город, а когда падет последний, приму швейцарское подданство»... Никто не хочет оставаться в стране, если она окажется в руках Асси, Журда и тому подобных проходимцев. Так же шутили над собой накануне 93 года знатные сеньоры XVIII в., которые вновь увидели свою родину только в 1814 г.»²⁵.

Поведение Тьера также весьма симптоматично: он запрещает говорить о восстании 18 марта, о казни генералов Леконта и Клемана Тома, ибо боится, как бы подобные примеры не стали известны солдатам, переведенным в Версаль. Прибывшему из Парижа журналисту, который начал было рассказывать Тьери о проишедших там событиях, последний и его приближенные в один голос отвечают, что он, видимо, преувеличивает и

²¹ *«Enquête parlementaire»*. Déposition d'Aurelle, t. II, p. 434.

²² Ibidem. Déposition Choppin, t. II, p. 117.

²³ L. Du pont. *Souvenirs de Versailles pendant la Commune*. Paris, 1881, p. 2

²⁴ *«La Cloche»*, 10.III.1871.

²⁵ *«Le Gaulois»*, 31.III.1871.

допускает оплошность, «распространяя подобные истории». «Было велено не дрожать»²⁶.

Тьер хвастается, что у него есть стратегический план (план маршала Виндишгреца)²⁷, хотя на самом деле его не было, что он располагает 40 тыс. солдат (циркуляр по департаментам от 19 марта), тогда как в действительности у него было едва ли 12 тысяч²⁸. Солдаты, приведенные из Парижа, были ненадежны: недаром самого Тьера охраняли только жандармы.

Генеральный контролер полиции Марсель, свидетель панического бегства правительственные войск 18 марта, придерживается точных фактов: «Надо было скорее отступать, чтобы спасти остатки армии, которая всюду бросала оружие... Я был очевидцем этого отступления, являвшего собой поистине печальное зрелище. В ночь с 18-го на 19-е солдаты на дороге настолько распустились, что начали оскорблять шедших рядом с ними жандармов и полицейских и совершенно вышли из повиновения»²⁹.

Маркиз де Компень, который вместе с группой других офицеров приходит 27 марта на помощь версальцам, наблюдает то же самое. Он видит солдат, которые бредут без командиров в полном беспорядке: некоторые направляются к Версалю, «изрядное число других идет в противоположном направлении»³⁰, что приводит в ярость полковника, сопровождающего маркиза.

Призыв к набору добровольцев для защиты Национального собрания, с которым Тьер обращается к департаментам,— еще один признак тревоги, охватившей версальцев. Он остается гласом вопиющего в пустыне³¹. Являются только офицеры. «Генералов нашло целое войско»,— отмечает Дюпон³². Но войско генералов без войск, разумеется, нисколько не усилило оборону версальцев.

Поэтому Тьер прибегает к другому маневру — к фальшивым переговорам только «для отвода глаз». 22 марта в Париж командируется адмирал Сассе. Начинаются переговоры Центрального комитета Национальной гвардии с мэрами парижских округов; переговоры эти были лишь «операцией для выигрыша времени».

Сассе очень точно охарактеризовал впоследствии роль переговоров: «Тьер твердо решил не соглашаться ни на одно требование. Но после отступления армии мы все были, как на вулкане... Поэтому он начал переговоры; он разговаривал... но и только»³³.

Национальное собрание не поняло этой хитрой уловки; поэтому, когда мэры попытались 23 марта установить контакт с ним, оно встретило их рычаньем помешников, враждебными криками всей правой.

В то время как Центральный комитет Национальной гвардии то предлагает, то откладывает, то вновь предлагает провести выборы в Парижскую коммуну, ведет по данному вопросу переговоры с мэрами, Тьер и не думает дожидаться исхода этих переговоров, а готовит исподволь вооруженное выступление версальцев против столицы. «Прежде всего я позабочился о солдатах. Я постарался... обеспечить их всем необходимым.

²⁶ L. Dupont. Souvenirs..., p. 14, 15. Сцена происходила 20 марта.

²⁷ 20 марта Тьер говорил лишь, что «не хотел давать бой... Правительство решило удалиться в Версаль» (циркуляр — «Journal officiel de Versailles», 20.III.1871). На другой день он признался Национальному собранию: «Лучше было потерпеть поражение, чем отказаться от попытки разбить их». Выступая же впоследствии перед следственной комиссией, Тьер заявил (t. II, p. 12), что его стратегический план заключался в оставлении Парижа для того, чтобы его легче было захватить потом.

²⁸ S. M. G. P. H. Histoire de la Commune de Paris. Paris, 1871, p. 96.

²⁹ «Enquête parlementaire». Déposition Marseille, t. II, p. 200.

³⁰ Marquis de Compigne. Souvenirs d'un Versaillais pendant le second siège de Paris (Correspondant, t. 100, 10 août 1875, p. 599).

³¹ «Не удалось набрать ни одного батальона добровольцев»,— признается сам Тьер.— «Enquête parlementaire». Déposition Thiers, t. II, p. 15.

³² L. Dupont. Souvenirs..., p. 13.

³³ «Enquête parlementaire». Déposition Saisset, t. II, p. 313.

Я совершенно официально потребовал хорошо обращаться с ними. Я увеличил рацион... Я следил за выдачей обмундирования... я целые дни проводил на бивуаках... Нам не хватало тяжелой артиллерии... Я пришел к убеждению, что, имея огневую мощь, мы победим, однако тогда у нас не было достаточно артиллерии»³⁴.

Версаль и его окрестности превращаются в военный лагерь. В помощь жандармам Валантена, охранявшим самого Тьера и собрание, правительство формирует самые настоящие банды. В начале апреля маркиз де Компьень сообщает о формировании «добровольческой» части департамента Сены: «Обещанное большое жалование — полтора франка — и питание привлекли, к сожалению, много всяких бездельников»³⁵. Среди них встречались и люди иного круга — дворяне, профессиональные офицеры, а также и просто бедняки, «потому что они были отцами семейств и нищета их была очень велика».

Что касается регулярной армии, то от нее сохранились только «осколки». Первой радостью для версальцев было прибытие 23 марта бригады Вольфа, забытой во время поспешного отступления из Люксембургского парка. Генерал Винуа выходит встречать эти «верные» полки, гремит военный оркестр, Тьер обращается к войскам с приветственной речью, поздравляет их, Национальное собрание тоже принимает поздравительный адрес. 24 марта Тьер назначает генерала Валазе статс-секретарем военного министерства; он становится чем-то вроде начальника штаба Тьера.

Но армия версальцев могла быть создана только с согласия и при помощи пруссаков. Сначала Тьер добивается увеличения численности французской армии по сравнению с той, которая была установлена условиями перемирия. Потом Ж. Фавр устанавливает контакт с командующим оккупационными войсками фон Фабрице, встречается с ним для переговоров в ставке прусских войск в Руане (8 апреля) и добивается его согласия на быстрейшее возвращение пленных, взятых в Меце и Седане.

Агентство Рейтер так сообщало из Кёльна о ходе выполнения этого соглашения: «Началось ускоренное возвращение французских войск во Францию. В первую очередь отправляют тех, кто дает присягу на верность французскому правительству и соглашается служить Версалю... Отправляют примерно по тысяче человек в день». Отбираются, следовательно, профессиональные солдаты, сверхсрочники, кадровики, которые, возвращаясь во Францию, могли бы прокормиться только службой в армии. Их вербуют на 2-летний срок, что сразу избавляет их от нужды, им назначают жалованье, обещают нашивки. Завербованных тут же формируют в батальоны — в Оксере, Кленшан в Дюэ, Дюкро в Шербуре. А потом этих солдат, сыновей бедных крестьян, которые ничего не знают о происходящих событиях, которые привыкли быть наемниками, сразу же принимаются натравливать на парижан и Коммуну.

«Середина апреля. Временная столица Франции приняла постепенно вид военного лагеря. По проспектам снуют почти одни только офицеры и солдаты... По улицам и бульварам громыхают военные повозки; площадь перед дворцом забита орудийными лафетами, которые собрали точно для обороны резиденции великого короля. На проспекте, где мэрия, — вереницы зарядных ящиков». Так, с нескрываемым чувством удовлетворения, писал версалец Леонс Дюпон³⁶.

Под защитой наемных солдат и этих груд снаряжения и боеприпасов «версальское общество» почувствовало себя в безопасности и начало устраиваться на новоселье. Тьер расположился в новом здании префектуры Сены и Уазы, где прежде находилась главная квартира прусского короля;

³⁴ «Enquête parlementaire». Déposition Thiers, t. II, p. 14, 15.

³⁵ Marquis de Compiegne. Souvenirs..., p. 591, 592. «Батальон одели в форму, очень похожую на форму национальных гвардейцев: нас хотели использовать в качестве своего рода рекламы, чтобы показать, что есть еще национальные гвардейцы, которые остались верны порядку».

³⁶ L. Dupont. Souvenirs..., p. 85.

Дюфор — в будуаре Марии-Антуанетты... Национальное собрание заседало в зале дворцового театра; депутаты сидели в партере, президиум — на сцене, под лилиями королевского герба. Депутаты прогуливались по длинной галерее, уставленной каменными мавзолеями с коленоисклоненными фигурами королей и королев. «Они бродят, словно тени, среди галерей этих могил».

Город переполнен: вслед за административным персоналом сюда стекаются бонапартисты, которых не видать было нигде с самого 4 сентября, беженцы из Парижа. «Гостиницы были переполнены, и добрые версальцы рады слушаю содрать три шкуры со всех этих приезжих, богачей и бедняков, которых обстоятельства бросили в объятия домовладельцев»³⁷. За помещение на каком-нибудь чердаке берут по семи франков в день.

Новые волны «эмигрантов» рассеиваются поэтому по округе, поселяются в Виль д'Аврэ, в Марли ле Руа, в Сен-Жермене; но все стремятся обратно в Версаль для того, чтобы узнать свежие военные новости и оказаться под защитой солдат и пушек.

В парке, на проспектах, на авеню дю Резервуар встречается «высший свет»: «здесь прогуливаются высокопоставленные политические дельцы... рядом проходят депутат, кокотка, дамы Сен-Жерменского предместья». Снова вылезли на свет «сторонники свергнутого режима, которые после 4 сентября не смогли нигде показаться; сперва они робко выглядывали наружу, но затем осмелились и разгуливают, пользуясь общим страхом»³⁸.

Литературный мир представляют Теофиль Готье, Александр Дюма-сын, Арсен Гуссэ с сыном, Альфонс Додэ. С собачонкой под мышкой прогуливается карикатурист Шан, вид у него растерянный. «Авторы модных водевилей, такие, как Людовик Галеви и Викториен Сарду, расхаживают с терпением и покорностью судьбе, достойными Сизифа, вверх и вниз по бесконечной авеню дю Резервуар, о чем-то расспрашивают друг друга, присоединяются к группам депутатов, журналистов, оказавшихся не у дел чиновников»³⁹.

Дюма-сын так характеризовал это общество, к которому, впрочем, принадлежал и сам: «Я видел, как в этом возродившемся к жизни городе Короля-Солнца... человеческая глупость ходит по широким проспектам, выставляя себя напоказ так, как не делал этого даже Людовик XIV».

Почетное место в этом обществе занимают люди, которые способны на все, как «валашский плут» Грегори Ганеску, как подозрительный делец, шпион Тьера, агент «Сосьете женераль» и «Креди фонсье» Тронсен-Дюмерсан, как приказчик крупных страховых компаний, лизавший сапоги прусским оккупантам, Франсиск Сарсе и другие. Наконец, здесь же в Версале крупные банкиры: барон Ротшильд, Фреми, барон де Субейран, Шарль Лиффитт.

Версальцы заняты: спрятавшись за спиной своих войск, они без устали носят парижан; пресса изопряется в клевете; издаются декреты; ведется борьба против действий Коммуны.

Клевещут на все и на всех, но с каким-то унылым однообразием. Эдуард Вайян, Домбровские, Феликс Пиа, Жюль Валлес, Верморель и другие служат излюбленной мишенью нападок для журналистов, их бывших со-братьев по перу⁴⁰. Париж под властью Коммуны — это, по выражению одного версальца, «скопище беглых каторжников»⁴¹.

Газета «Moniteur des Communes», во главе которой стоят братья Пиккар, берет на себя миссию распространять подобную «информацию» о Коммуне в провинции. Она помогает версальскому правительству укрепить связи с департаментами.

³⁷ Marquis de Compiègne. Souvenirs..., p. 599.

³⁸ L. Dupont. Souvenirs..., p. 11.

³⁹ Ibid., p. 10.

⁴⁰ «Le Gaulois», 13, 22.IV.1871.

⁴¹ «La Guerre des Communeux de Paris». Paris, 1871, p. 6.

Законодательство направлено на усиление репрессий против народа и оказание покровительства помещикам и крупной буржуазии. Национальное собрание восстанавливает 25 марта ранее уволенных чиновников Второй империи. Закон Дюфора о непогашенной в течение семи месяцев войны задолженности по квартирной плате защищал интересы собственников. Хотя он давал некоторую отсрочку, задолженность должна была быть погашена полностью и в срок. Принятый по настоянию Тьера закон о муниципальном управлении отдал города под надзор правительственные органов и полицейских властей. Наконец, 6 апреля по предложению Дюфора был принят закон об упрощении порядка рассмотрения дел военными трибуналами. Предварительное следствие отменялось, и теперь каждое дело, включая следствие, суд, рассмотрение апелляции и приведение приговора в исполнение, должно было быть закончено в сорок восемь часов.

Еще одной заботой версальцев было дискредитировать социальное законодательство Парижской коммуны. Вот два примера. Декрет об отмене ночных трудов пекарей (20 апреля) вызывает такие комментарии: ненавистная Коммуна лишает парижан возможности иметь к утrenнему завтраку мягкие булочки, она заставляет их питаться черствым хлебом. А закон о возвращении парижанам вещей, заложенных в ломбарде, по заявлению версальцев,— это акт, который якобы обречет бедняков на еще большую нищету, поскольку они не смогут больше закладывать свои вещи и получать за них деньги⁴².

Таковы те жалкие аргументы, которые можно найти в прессе версальцев. Она хранила полное молчание о декретах об отделении церкви от государства, о введении обязательного и бесплатного начального обучения, о декрете против грабителей, делая вид, что они не заслуживают опровержений.

Но обращение Коммуны к трудящимся деревни от 28 апреля, которое распространялось с помощью воздушных шаров, задело версальцев за живое. Надо было не позволить рабочему классу привлечь крестьянство на свою сторону, надо было не выпустить этот нетронутый пока резерв из рук аграриев.

Франсиску Сарсе было поручено обезвредить этот внушающий беспокойство версальцам призыв к солидарности трудящихся. И он постарался выполнить поставленную перед ним задачу.

«Итак, Парижская коммуна решила прибегнуть к воздушным шарам, чтобы протащить контрабандой и посеять в нашей деревне ядовитые семена своих идей. Из корзин этих шаров дождем сыплются тысячи манифестаций и прокламаций, ветер заносит их чумные миазмы на порог мирной хижины земледельца»⁴³. Вот он находит этот «упавший с неба» листок, «громко читает его жене». «И что,— восклицает далее Сарсе,— если этот крестьянин, вооружившись мотыгой, той самой мотыгой, которой он добывает пропитание себе и своей семье, пойдет, разъяренный, крушить и жечь дома тех, на кого ему указывают как на праздных людей, что, если снова повторятся ужасы Жакерии?».

Сарсе отшатывается перед этим страшным призраком и, переведя дыхание, обрушивается на «единственного настоящего виновника», на «пачкуна, состряпавшего эту прокламацию». «Я знаю, кто ты — ты сын учителяшки, вышедшего из крестьян... Родители многим пожертвовали для тебя, а ты их за это опозорил!»⁴⁴.

Сарсе обрушивается с руганью на коммунизм, но, впрочем, в другом разделе статьи вынужден признать, что коммунизм — это «земля — крестьянам, орудия производства — рабочим».

⁴² E. de Pressensé. Les Leçons du 18 Mars. Paris, 1871, p. 44.

⁴³ «Le Drapeau Tricolore», № 2, 13.V.1871, p. 14—16.

⁴⁴ Сарсе считал автором обращения к деревенским труженикам Жюля Валлеса. На самом деле его написал Андре Лео.

Другая забота версальцев — разгромить «примиренцев». Мало того, что Тьер отклоняет их предложения, что палата проваливает резолюции в пользу примирения; надо еще разоблачить «примиренцев», показать, что они — те же коммунары⁴⁵.

17 мая газета «Le Gaulois» находит, наконец, «доказательство» соглашения между Лигой республиканского союза и Парижской коммуной. Автор статьи Вильмо сначала делает вид, что он не верит в справедливость возводимых на Лигу обвинений: «Тем, кто обвинил вас в преступных намерениях, кто считал вас замаскированными революционерами, скрытыми коммунарами, я неизменно отвечал: где доказательства, дайте мне доказательства!». Затем Вильмо приводит такое «доказательство»: депутат Флоке однажды выронил из кармана письмо, какой-то «любопытный» его поднял; письмо оказалось от Рауля Риго, который писал Флоке: «У нас с вами общие идеи». Вся история, конечно, вымыщенная, но она позволила наклеить на сторонников примирения ярлык агентов Коммуны⁴⁶.

Франсиск Сарсе очень точно выразил отношение версальцев к сторонникам умиротворения страны: всякий, кто утверждает, что «люди Коммуны не бандиты, сам из их шайки». И он так формулирует цель версальской политики: «Париж надо разгромить и принудить к сдаче. Пусть придется потопить восстание в крови, похоронить его под обломками пылающего города, — компромисса быть не может»⁴⁷.

Вот почему высшим удовольствием для версальского общества становится заискивание перед солдатней и разжигание в себе дикой жажды крови, неутолимой страсти к убийству. «Как их нежат и лелеют, этих бравых солдат! Когда они попадаются нам навстречу, возвращаясь с какого-нибудь сражения или идя на новый бой с повстанцами, мы зазываем их в ближайшее кабаре, угождаем вином, мы суем им в руки сигары и табак. В Версале гражданские и военные только и обмениваются всякими любезностями и знаками внимания»⁴⁸.

Другое любимое развлечение — это отправиться на террасу Сен-Жермен, полюбоваться в подзорную трубу бомбардировкой Парижа⁴⁹, пройтись по батареям, ведущим огонь с высот Монтрету или с косогора в парке Сен-Клу. «Мы все, мужчины и женщины, туристы, любители острых ощущений, ходили туда, вооружившись биноклями».

Заявления Тьера, расточавшего комплименты «самой прекрасной армии, какую когда-либо имела Франция», превозносившего «боевой порыв войск», радостно объявлявшего, что район Мулино усеян трупами врагов, победные аншлаги газет «Le Gaulois», «La Liberté», «Le Figaro», «Paris-Journal», сообщавших, например, что «пленные, взятые в Кламаре и в Иесси, тут же были расстреляны», — проливали еще больше бальзама в души версальцев⁵⁰.

Но самым большим удовольствием для версальцев было поджидать на улицах прибытия партий пленных, чтобы изрыгать по их адресу оскорб-

⁴⁵ Циркуляр Дюфора, разосланный 23 апреля 1871 г. генеральным прокурорам департаментов (разъяснения о порядке применения нового закона против «преступных выступлений в прессе»), своим главным остирем был направлен именно против распространявшихся в провинции настроений в пользу примирения.

⁴⁶ Флоке и его друзья отправились в Бордо на съезд вновь избранных депутатов от крупных городов, сторонников прекращения гражданской войны. Надо было поэтому сфабриковать какую-нибудь фальшивку в «доказательство» того, что «примиренцы» — это замаскированные коммунары. 9 мая версальское правительство запретило съезд в Бордо.

⁴⁷ «Le Drapeau Tricolore», № 1, 6.V.1871.

⁴⁸ L. Dupont. Souvenirs..., p. 90.

⁴⁹ E. Loudun. Journal d'un Parisien, p. 415—416.

⁵⁰ Даже консервативная лондонская «The Times» не скрывала отвращения перед этой кровавой расправой. «Коробит от ужаса, когда читаешь сообщения из Версалья о зверствах, совершаемых хладнокровно в Кламаре, в Мулен Саке... А министры, докладывающие версальскому собранию о подобных делах, стараются не пропустить при перечислении ни одного зверства, которым тот или другой из них отличился». — «The Times», 10.V.1871.

ления, быть, линчевать их. Свидетельств о подобных издевательствах множество; мы не будем ссыльаться в первую очередь на иностранную прессу, на газеты «*Suisse Radicale*»⁵¹, «*Indépendance Belge*»⁵², «*Times*», «*Daily Telegraph*», «*Daily News*»; сошлемся на признания самих версальцев.

«Толпа, мимо которой проходили пленные,— пишет Леонс Дюпон,— ...готова была броситься на них и разорвать в клочья.... Я видел, как какой-то жандарм ударили саблей молодую гражданку, которая, когда пленные входили в Версаль, хотела вырваться из рядов и убежать. Сильный удар саблей пришелся между пальцами левой руки и рассек ее до запястья; из раны хлынула кровь. Женщину кинули на повозку с ранеными, и она, чтобы не упасть, инстинктивно схватилась рукой за обод колеса. Я видел, как обе страшные руки описали дугу, разбрызгивая кровь. Потом они оторвались от вращающегося обода, женщина вскрикнула и упала под колеса»⁵³.

В ком просыпалась жалость, подвергал себя опасности. Один журналист, видевший, как дама ударила пленного зонтиком, не удержался от жеста неодобрения; тотчас же на него стали кричать, что он сам коммунар, его окружили, стали грозить ему. Оказавшийся рядом офицер предложил защитнику коммунаров последовать за собой... Журналиста доставили в полицейский участок, где «несколько человек заявили комиссару, что они привели повстанца, захваченного на авеню де Пари. Комиссар сразу же принял арестованного за коммунара, бежавшего из партии пленных... Тогда я сказал комиссару: «Этот человек — сотрудник *Journal des Débats*», его зовут Луи Ратисбон». Только это прекратило драму»⁵⁴.

Фланирующая по бульварам избранная публика закрепила за собой удовольствие, особенно утонченное,— посещать места заключения, где томились несчастные пленные,— тюрьму на улице де Шантье и исправительный дом для женщин на авеню де Пари, подвалы Гранд и Пти Экюри, тюрьму Оранжери, лагерь Сатори, конюшни Сен-Сирского военного училища,— а также присутствовать на их допросах. Среди этой утонченной публики, наслаждавшейся зрелищем человеческих страданий,— Франсиск Сарсе, Людовик Галеви, Арсен Гуссэ, Шан, Дюма-сын и другие «модные» литераторы.

* * *

Вечером 21 мая версальцы испытывают большую радость: войска врываются в твердыню коммунаров. Мак-Магон располагается во дворце Ротшильда, у входа в Булонский лес. В Версале г-жа Тьер и г-жа Дон присутствуют в дворцовой часовне на вечерне, которую они заказали в пользу церковных сиротских приютов.

«В пять часов вечера, час аперитивов, на стенах расклеивают свежее объявление: версальский префект подтверждает сообщения о вступлении войск в Париж».

Тьер, который кажется помолодевшим, доезжает в карете до Мон-Вальерен и возвращается обедать в Версаль. В десять часов он принимает депутатов, послов. «Он появляется в окружении генералов; он старается придать себе гордый вид победителя» и принимает поздравления офици-

⁵¹ «*La Suisse Radicale*», 7, 11.V.1871: «Что касается 300 пленных, о взятии которых сообщили первые официальные бюллетени, то в Версале их не увидели и не увидят никогда. Солдаты штыками и прикладами перебили всех этих несчастных, в живых осталось, может быть, человек пятьдесят».

⁵² «*Indépendance Belge*»: «Как только показалась толпа пленных — мужчин, женщин, детей, безоружных солдат, все бросились к ним навстречу, чтобы поглязеть на них и поиздеваться над ними... Нападшие убежище в Версале парижские франты избивали коммунаров тростями; дамы в роскошных туалетах зонтиками выдирали волосы у этих несчастных... изрыгали в лицо им страшные ругательства».

⁵³ L. D u p o n t. *Souvenirs...*, p. 93—94.

⁵⁴ Ibid., p. 95.

альных лиц «с видом скромного величия»⁵⁵. Он рассыпается в благодарностях руководителям армии, спасающим «честь Франции».

28 мая Версаль узнает из прокламации Мак-Магона, что Париж «освобожден», то есть раздавлен и залит кровью. Двери Версальского собора настежь распахиваются, чтобы пропустить Тьера и его министров, президента Грэви и президиум Национального собрания — представителей «народа». Эти люди пришли благодарить бога. Собрание приняло решение организовать публичные молебствия «о ниспослании божьей благодати на Францию»⁵⁶. Епископ читает молитвы и благословляет собравшихся.

Узники Сатори — те находились под особым «благословением». «Так как этих бравых парижан, — писал Дюпон, — нельзя было оставлять во внутренних дворах (Сатори) совершенно без всякого присмотра, к ним приставили компаньонок — несколько митральез. Своими дулами, торчащими из всех углов, они производили на них успокаивающее действие»⁵⁷.

В ночь с 27 на 28 мая узники все же попытались бежать, и по улицам Версаля прокатилась тревога⁵⁸. «Триста беглецов были расстреляны»⁵⁹. «Митральезы заменили пушками, заряженными картечью; двор тюрьмы ограждала зубчатая стена, и часовые через бойницы наблюдали за всем, что происходит внутри, готовые в любую минуту открыть огонь»⁶⁰.

* * *

Между тем в Париже версальцы завершали свое дело. Кроме того, что Бисмарк возвратил Тьери военнопленных, солдат разгромленных Восточной, Мецкой и Шалонской армий (солдаты эти и составили большую половину версальских войск), что позволило версальцам предпринять наступление на Париж⁶¹, Мак-Магон установил также сотрудничество с принцем Саксонским. Версальцам разрешено было продвинуться через нейтральную зону к северу и к востоку от Парижа, а это позволило им обойти позиции коммунаров на Монмартре и в Клинианкуре. 22 мая «дивизия Монтандона прошла вперед через нейтральную зону, открытую пруссаками»⁶².

Помимо этого принц Саксонский обязался, по соглашению от 20 мая, перехватывать в своем секторе все, что двигалось из Парижа. Прусские войска выставляют двойную линию караулов. Первая имеет задачей закрыть въезд в Париж, но пропускает тех, кто из него выезжает. Вторая задерживает на дороге и берет в плен коммунаров, которые пытаются покинуть Париж, чтобы спастись от жестокой расправы. Прусские войска собирают своих пленных и передают их версальцам. В Сен-Мандэ составляются партии арестованных и «флегматичные немецкие солдаты с ружьями на плече ведут пленных коммунаров, как скот на убой», чтобы отдать их в руки палачей. Всех этих пленных, «обессиленных, измученных, связанных по двое, передают военному трибуналу, заседающему близ Монтрей. По ночам там слышатся ружейные залпы»⁶³.

⁵⁵ L. Dupont. *Souvenirs...*, p. 205.

⁵⁶ По предложению Казановы де Прадина, внесенному в собрание 16 мая, Дюпанлу, епископ Орлеанский, характеризовал церемонию 28 мая как выражение государственного «кредо», как «официальное и категорическое осуждение этих безбожных доктрин, имеющих такое глубокое и опасное сходство с доктринаами, проповедующими разрушение всякого социального порядка».

⁵⁷ «Le Français», 27.V.1871.

⁵⁸ L. Dupont. *Souvenirs...*, p. 269.

⁵⁹ «L'Echo du Parlement» (Bruxelles), 27.V.1871; «L'Égalité» (Genève), 7.XII.1871: рассказ одного пленного коммунара.

⁶⁰ «Le Français», 31.V.1871.

⁶¹ «Enquête parlementaire». *Déposition Pothuau*, t. II, p. 513. «Наши силы прибывали с каждым днем, и возвращение военнопленных из Германии позволило нам, наконец, добиться решительного перелома в ходе операций».

⁶² L. Jezieriski. *Bataille des sept jours*. Paris, 1871, p. 17; L. Fiaux. *Histoire de la Guerre Civile de 1871*. Paris, 1879, p. 499.

⁶³ «La Cloche», 8.VI.1871.

В самом Париже используются три различных способа кровавой расправы: первый — это немедленный расстрел коммунаров или тех, кого принимают за коммунаров, задержанных в результате стычек или преследования; второй — мужчин и женщин, захваченных в домах, на улицах, арестованных по доносам парижских версальцев, тащат в военную полицию, где у них тотчас же забирают все ценное, приговаривают к смертной казни и расстреливают из ружей или митральез в казармах Лобо, в Военном училище, в парке Монсо. Наконец, третий способ — истребление пленных, идущих в колоннах; такова, например, была судьба 83 мужчин и 12 женщин, которых Галифе в Мюэтте заставил выйти из рядов, потому что у них были седые волосы и они, следовательно, помнили июнь 1848 г., и приказал расстрелять их на месте⁶⁴.

Тщетно было бы искать упоминания об этих фактах в докладе Мак-Магона об операциях версальской армии⁶⁵. Из числа событий, о которых предпочитали умалчивать версальцы⁶⁶, приведем два, которые засвидетельствовали, впрочем, сами версальцы — один маркиз и один жандарм.

Маркиз де Компень, служивший в добровольческом отряде департамента Сены (отряд входил в бригаду Прадье, корпус Кленшана), 22 мая остановился в парке Монсо: «В парке расстреливали пленных. Я видел, как упало 15 мужчин, потом одна женщина». 23 мая, указывает маркиз, когда бои на улице Маркаде были в разгаре, лейтенант де Гранпре, который некогда сражался под знаменем южных конфедератов в гражданской войне в Америке, говорил маркизу, что «они там пленных не брали. Впрочем, на то были официальные приказы»⁶⁷.

А уже 25 мая маркиз чуть было сам не испытал эти методы американских рабовладельцев: ему вздумалось посмотреть на свой дом на ул. Клиши. Около вокзала Сен-Лазар его остановили другие версальцы, из 91-го полка (бригада Аршинара, корпус Винуа). «Как,— воскликнул какой-то высокий господин, скрывавшийся, наверное, в подвале все время, пока выходить на улицы было опасно,— как, вы все еще берете в плен этих диких зверей?... Да их всех надо расстреливать!»⁶⁸.

Тогда лейтенант из 91-го скомандовал маркизу: «Становись к стенке!». Стараясь не очень громко протестовать,— ибо маркиз по опыту знал, что в таком случае его бы расстреляли немедленно,— он назвал свое имя, корпус, где служит, и его пароль. Ему дали отсрочку, но побоев и оскорблений он не избежал; он пережил самые страшные минуты в своей жизни и спасся только благодаря тому, что случайно повстречался с группой солдат из своей добровольческой части.

Жандарм Робине был вызван для дачи свидетельских показаний по делу супругов Трибельс, голландских подданных, арестованных во время уличной облавы и доставленных в военную полицию в Шатле, начальником которой был подполковник Вабр⁶⁹. Он приказывает Робине обыскать пленников. Робине рассказывает: «Всех арестованных коммунаров обы-

⁶⁴ «The Times», 31.V.1871; «Le Tricolore», 31.V.1871.

⁶⁵ M. Mac - Mahon. *L'Armée de Versailles depuis sa formation jusqu'à la complète pacification de Paris*. Paris, 1871; говоря о боях в Бельвиле и на кладбище Пер-Лашез, автор обмолвился лишь кратким замечанием, что «в наши руки попало много пленных и значительное количество артиллерии и снарядов».

⁶⁶ E. de Pressensé. *Les Leçons du 18 Mars*, p. 139: «Мы не будем подробно описывать развязку страшной драмы».

⁶⁷ Marquis de Compiegne. *Souvenirs...*, p. 617.

⁶⁸ Ibid., p. 626.

⁶⁹ Подполковник Вабр, комендант парижской ратуши, был одним из инициаторов расстрела 22 января. Вернувшись в Париж с версальской армией, он организовал кровавую расправу над коммунарами в казармах Лобо. «В большом зале Шатле, откуда осужденных отправляли в казармы Лобо и там пачками расстреливали, председательствовавший Вабр произносил свои приговоры: «Готов!» (это значило, что человек осужден на смерть) или «Подождать!» (в этом случае коммунара уводили и его ждал новый допрос). Этот Вабр обосновался в Шатле: отсюда он лично руководил скорой расправой, по части которой он стал большим мастером. Его средняя «производительность» — 900—1100 казней за 24 часа».

скивали; у приговоренных к расстрелу забирали все деньги и другие ценности и передавали их г-ну подполковнику, который относил их в свой кабинет».

Старики Трибельсы, совершенно непричастные к событиям, все свое состояние имели при себе: несколько драгоценных камней, кольца, золотые вещи, иностранную валюту. Все это у них отобрали. Мужа Вабр осудил, и его казнили в казармах Лобо. Жену некоторое время продержали в тюрьме, потом выпустили на свободу⁷⁰. Если судить по количеству совершенных казней, можно представить, сколько богатства награбил Вабр в своем управлении в Шатле. Отметим, что подполковник Вабр был одним из самых видных лиц в версальском лагере.

Версальцы испытывали потребность похвастаться своими «военными подвигами», восславить свои победы. И вот Тьер 24 мая заявляет в собрании: «Эта победа снискала нам глубочайшее уважение Европы», а 25 мая, в обращении к народу, превозносит армию: «Армия вела себя великолепно».

Высший офицер версальской армии, написавший книгу о «войне против Коммуны» (*«La Guerre des Communeux de Paris»*), также выражает свое полное удовлетворение: французская армия одолела тех, кого не смогли победить пруссаки!⁷¹.

Версальцы очень хотели бы не признавать, что коммунары мужественно сражались до конца. Но версальцы признают, что парижский народ оказал им героическое сопротивление.

Надутый спесью литературный подмастерье Катюль Мендес, рассказывает о героической смерти Мильера, не может удержаться от восклицания: «Поразительно, какие храбрецы эти негодяи!».

Мужества коммунаров не посмел отрицать и Мак-Магон: «Эти люди охвачены каким-то особенным возбуждением. Некоторые из них сражаются с неукротимой энергией. Некоторые умирают с красным знаменем в руках на баррикаде; казалось, они верят, что защищают святое дело»⁷².

Версальские солдаты единодушно признавали героизм коммунаров — мужчин, женщин, детей⁷³.

Ясно, что версальцы одержали победу, воспользовавшись тремя крупными преимуществами, которыми они располагали: огромным численным превосходством своих войск, большим количеством артиллерии и снарядов, сосредоточенным в их руках, и, наконец, помощью прусских войск, облегчивших версальскому командованию маневренные возможности.

Только версальцы, остававшиеся в Версале, вроде Сарсе, осмеливались, вопреки всему, объяснять храбрость коммунаров «воздействием вина», «личным честолюбием»⁷⁴ или, как это делали версальские дамы высшего света, обвинять мучеников Коммуны в трусости и требовать истребления их всех до единого⁷⁵.

⁷⁰ R. Angrand. Un épisode de la répression versaillaise: l'affaire Tribel.— *«La Pencée»*, VII—VIII. 1956, № 68.

⁷¹ *«La Guerre des Communeux de Paris»*. Paris, 1871, p. 207.

⁷² *«Enquête parlementaire»*. Déposition de Mac-Mahon, t. II, p. 25.

⁷³ Граф Альфред де ла Геронье в своей книге (*«La Commune sanglante ou le legs incendiaire»*. Paris, 1891), посвященной им «спасителю Франции Тьеру», приводит по этому вопросу ряд выдержек из *«L'Etoile Belge»*: «Все солдаты, которых я спрашивал, рассказывали одно и то же. Один из них сказал: «В Пасси мы расстреляли человека сорок этих каналов. Некоторые стояли, скрестив руки на груди, с высокой поднятой головой, иные распахивали куртки и кричали нам: «Стреляйте, мы не боимся смерти». Один бравый моряк сказал мне: «Ни один из тех, кого мы расстреливали, даже бровью не повел». Солдат из корпуса генерала Кленшана рассказывал, как его рота привела на земляной вал 84 повстанца: «Они выстроились цепочкой, точно шли на ученье. Все были абсолютно спокойны. Один только невозмутимо сказал мне: «Целься в грудь, не испорти мою голову!»».

⁷⁴ *«Le Gaulois»*, 30.IV.1871.

⁷⁵ A. M. Blanchemotte. *Tablettes d'une femme pendant la Commune*. Paris, 1872. Г-жа Бланшшот, которая не принадлежала к версальцам, а была просто добной женщиной и верующей христианкой, с содроганием и ужасом вспоминает слова

Как только версальцы овладели Парижем, посыпались доносы. Полицейская префектура только за один месяц получила 380 тыс. анонимных писем-доносов. Парижские буржуа, жаждавшие мщения за пережитый ими страх, теперь дали волю своей ненависти.

«После пережитых страшных ночей наступили еще более жуткие дни, когда в Париже, где улицы были завалены трупами, где прошли тысячи пленных, вспыхнуло новое пламя — пламя всепожирающей ненависти; объятые страхом трусливые душонки воспылали жаждой крови и... требовали себе в отмщение поголовной резни»⁷⁶. Так писал человек, который был врагом Коммуны.

Подлый страх и трусость родили ненависть, а на почве ненависти начался разгул кровавого террора.

* * *

Совершенные расстрелы и убийства не удовлетворили врагов, они потребовали всеобщего истребления. Некоторые газеты, например *«Le Figaro»*, призывали начать узаконенный, планомерный неограниченный террор: «Перед г-ном Тьером стоит еще одна важная задача: очистить Париж... Другого такого случая излечить Париж от разъедающей его вот уже двадцать лет моральной гангрены может не представиться никогда... Надо обрушить на парижан всю тяжесть военных законов, сколь бы жестоки они ни были. Снисходительность была бы сейчас безумием»⁷⁷.

Все сторонники Коммуны «должны быть расстреляны», продолжает корреспондент *«Le Figaro»*, указывая и на своих собратьев — «свихнувшихся» журналистов: «Законы военного времени должны быть со всей строгостью применены и в отношении журналистов, которые вложили ружье и факел в руки этих безумных фанатиков... То, что легко сделать сегодня, пока Париж остается на военном положении (а эта мера вполне оправдана в отношении города, взятого штурмом), нельзя будет сделать завтра, когда будет восстановлено нормальное положение и воцарится законность»⁷⁸.

Передача всей полноты власти военному командованию, учреждение 26 военных трибуналов, органов массовых кровавых репрессий, были ответом на эти исступленные вопли.

Жюль Фавр, со своей стороны, старается очернить сторонников Коммуны в глазах мирового общественного мнения, представить их «злодеями, преступниками». Он требует немедленной выдачи коммунаров, сумевших бежать за границу. «Никая страна не может брать их под свою защиту, и присутствие их на территории какого-либо государства — это позор и опасность для него»⁷⁹.

Клерикальное правительство Бельгии тотчас же выразило готовность помочь версальцам в этой «охоте на людей». Виктор Гюго, предложивший коммунарам через газету *«L'Indépendance Belge»* убежище в своем доме (на площади Баррикад в Брюсселе), подвергся за это угрозам со стороны банд буржуазных сыновков, которые хотели расправиться с ним в его доме, и был выслан из Бельгии. Правительство Испании также удовлетворило домогательства версальцев. *«Le Figaro»*, приветствуя это, писала: «Нельзя было не содрогнуться при мысли, что они [коммунары] смогут от нас ускользнуть. Но эта тяжелая забота теперь рассеивается. Иностранные

«одной версальской красотки, сестры офицера, который расстрелял 400 коммунаров в Бельвиле: «Трусы: иные из них еще смели плакать!». «О боже,— восклицает г-жа Бланшот,— до какой же моральной деградации дошла эта хорошенъкая женщина, если она стала настолько бесчувственной!»» (р. 337). Она рассказывает также, что некоторые версальские дамы всегда говорили о побежденных коммунарах только так: «Мало их расстреливают! Надо уничтожить их до последнего человека!» (р. 203).

⁷⁶ E. de Pressensé. *Les Leçons du 18 Mars*, p. 169.

⁷⁷ *«Le Figaro»*, 5.VI.1871.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Циркуляр Фавра представителям Франции за границей. Версаль, 26 мая 1871 г.

государства изгоняют их, они нигде не найдут крова и убежища. Законы о выдаче преступников настигнут их повсюду!»⁸⁰.

Сарсе, доказывая необходимость организации дальнейшего массового террора, раскрывает классовую подоплеку этих требований:

«Тысячи людей ныне одержимы самым страшным безумием. А когда подобных безумцев оказывается так много и когда они находятся в полном согласии между собой... они превращаются в столь грозную опасность для общества, что покончить с ней можно только решительными мерами подавления.

Чем больше опасность, какой подвергается общество, тем больше у него права применить суровые репрессии. И оно должно не прекращать их до тех пор, пока вновь не почувствует себя в безопасности...»⁸¹.

Так безапелляционно утверждалось, что правящий класс никому и никогда не позволит посягать на свои классовые привилегии и что ему принадлежит абсолютное право истреблять своих классовых врагов.

Версальцы не ошибались, считая одним из своих главных врагов Карла Маркса. Именно поэтому они возводят на Маркса, как и на руководителей Коммуны, самую чудовищную, самую грязную клевету. Барраль де Монто, шпион версальцев, называет Маркса «бывшим личным секретарем Бисмарка»⁸². Эту нелепую выдумку подхватывает вся правительственная пресса.

Но что больше всего потрясло версальцев — это воззвание, которое Маркс опубликовал на следующий день после падения Коммуны. В своей книге «Уроки 18 марта» Эдмон де Прессанс пишет: «Генеральный Совет Международного товарищества имел смелость опубликовать в форме манифеста полную апологию Коммуны; рабочему классу говорят, что Коммуна была идеалом народного правления... Теперь мы знаем, с кем имеем дело... Интернационал — это и есть самое логичное воплощение той новой революции, происхождение и лозунги которой мы старались установить»⁸³.

Граф де ла Геронье, читавший «Гражданскую войну во Франции» в ее первом, лондонском издании, приводит большие выдержки из нее в своей книге. Это, по-видимому, были единственныe выдержки из работы Маркса о Парижской коммуне, опубликованные во Франции в 1871 г. Де ла Геронье сразу догадался, кто был автором Воззвания: «Судя по некоторым фразам, можно думать, что Воззвание написал Карл Маркс»⁸⁴. Он видит в этом «сжато и компактно написанном тексте» — «изложение принципов». Уже одно то, какие именно цитаты выбирает де ла Геронье, показывает, что он понял все значение Воззвания⁸⁵.

21 июня версальское правительство получило, наконец, в свои руки подлинный текст Воззвания, которое оно назвало «Манифестом Интернационала». Его немедленно переслал в Версаль французский поверенный

⁸⁰ «Le Figaro», 30.V.1871. Однако надежды «Le Figaro» не сбылись: даже княжество Монако не выдало ни одного из участников Марсельской коммуны, которые бежали на его территорию. Что касается других стран, то Швейцария, Англия и Италия не уступили требованиям Ж. Фавра. Впрочем, история прозвала попытку французского правительства добиться выдачи коммунаров заслуживает особого рассмотрения.

⁸¹ «La Gaulois», 31.V.1871. «Le droit de punir».

⁸² Barral de Montaud. Notes journalières sur l'Etat de Paris durant la Commune. Paris, 1871, p. 12.

⁸³ E. de Pressensé. Les Leçons du 18 Mars, p. 230.

⁸⁴ A. de la Guéronnière. La Commune sanglante ou le legs incendiaire. Paris, 1871, p. 244.

⁸⁵ Примеры: «Коммуна... была открытой, наконец, политической формой... это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным еще к общественной инициативе; это признали даже широкие слои парижского среднего класса — мелкие торговцы, ремесленники, купцы — все, за исключением богатых капиталистов». — См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 316, 318. — Прим. ред.

в делах в Лондоне Гавар⁸⁶. Посол Тьера в Лондоне, герцог де Бройль, ревностно выполнивший функцию доносчика на коммунаров, тоже указывал правительству на роль Маркса: «Все эти эмигранты поддерживают связь с Интернационалом и собираются обычно в библиотеке Трулав в Хай Холбоне... Они, несомненно, встречались и с недавно вернувшимся сюда Карлом Марксом, а также с руководителем бельгийской секции Глазер де Виллебродом, прибывшим на этих днях из Брюсселя, и с Эккариусом, который также является одним из руководителей Интернационала»⁸⁷.

И, как ни прятались версальцы за свои военные суды и штабы, за свои трибуналы и полицейские застенки, написанное Марксом Воззвание Интернационала «Гражданская война во Франции» показало им, что грядет новая свободная Коммуна, живая и непобедимая.

⁸⁶ «Affaires étrangères». Correspondance politique. Gavard à J. Favre. Londres, 24 juin 1871, № 90.

⁸⁷ Ibidem. Broglie à Remusat. Londres, 3 août 1871. Cabinet. Personnelle et confidentielle.

